

прозорливый организатор, радеющий за развитие русской художественной школы искусства и всячески поощрявший художественное творчество. В период президентства Мусина-Пушкина в состав академии входили такие мастера, как живописцы Иван Акимов, Иван Прокофьев, Гонзаго, Григорий Угрюмов, скульпторы Федор Гордеев, Иван Мартос, Федос Щедрин, Федот Шубин, Михаил Козловский, архитекторы Иван Старов, Федор Волков, Андреян Захаров и другие. Со вступлением на престол Павла I он оставил Синод и академию, где снискал всеобщее уважение и любовь.

В 1797 году Павел I пожаловал ему 1000 душ, но Мусин-Пушкин просил разделить их между его подданными, тогда Павел своим указом от 5 апреля 1797 года возвел А. И. Мусина-Пушкина в графское достоинство.

В 1799 году граф Мусин-Пушкин поселился в Москве, в большом доме на Разгуляе, среди своих эксконатов и рукописей, которые с любовью и последовательностью он собирал в течение всей жизни. В 1800 году он издает «Слово о полку Игореве» (1-е издание) и в 1810 году исследование о «Холопьем городке» на реке Мологе. К великому сожалению, редкая, можно сказать, бесценная библиотека Алексея Ивановича погибла в 1812 году в пламени московского пожара. Граф собирался передать свое собрание в библиотеку Архива Коллегии иностранных дел, но сделать этого не успел. Когда старому графу сообщили об утере библиотеки, он был сильно потрясен. Вторым тяжелым ударом для него явилась гибель любимого сына Александра, павшего смертью храбрых в бою под Люненбургом 21 марта 1813 года. После этих трагических событий граф А. И. Мусин-Пушкин прожил всего четыре года. Он скончался 1 марта 1817 года в Москве и был похоронен в родной Иловне. Крестьяне ярославского имения несли гроб с телом покойного графа на руках от Москвы до Иловны (450 верст) в знак глубокого уважения и любви к нему.

Алексей Иванович был женат на Екатерине Алексеевне Волконской, дочери генерал-майора князя Алексея Никитича Волконского. От этого брака у них было восемь детей: три сына и пять дочерей.

Старший сын Алексея Ивановича, Иван Алексеевич (1783—1836), поступив в 1812 году в Петербургское ополчение, с первых дней войны принимает участие в боях с неприятелем. За храбрость и отвагу при взятии штурмом Полоцка он был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Войну закончил в 1815 году в чине генерал-майора. За доблесть и мужество был награжден пятью российскими и тремя иностранными орденами. Александр Алексеевич (1788—1813), о котором уже было упомянуто выше, рано поступил на военную службу и уже имел боевой опыт во время войны с турками в 1808—1809 годах. От Ярославского ополчения он был направлен в отряд атамана Платова, где отличился в боях под Мариенвердером (Восточная Пруссия). Затем он успешно провел переговоры о нейтрализации прусского корпуса генерала Бюлова, исход которых очистил русской армии дорогу на Варшаву и Берлин. За эти подвиги он был произведен в майоры и награжден орденом Анны 2-й степени. Лишь только безвременная гибель на поле брани оборвала его столь блистательную карьеру. Владимир Алексеевич (1798—1854) — офицер лейб-гвардии Измайловского полка, за связь с Северным обществом декабристов был сослан в Финляндию, где встретил свою возлюбленную, ставшую его спутницей жизни, Эмилию Карловну Шернваль, впоследствии воспетую А. С. Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым. Во время службы на Кавказе они встречались в 1829 году, о чем поэт пишет в своем повествовании «Путешествия в Арзрум». Два века прошло с тех пор, как А. И. Мусин-Пушкин познакомил нас с шедевром мировой истории, памятником древнерусской письменности — «Словом о полку Игореве».

Так будем же благодарны знаменитому земляку за то, что он открыл страницы нашего прошлого нам и всем будущим поколениям.

АЛЬБЕРТ ИЗМАЙЛОВ

БЛЮЗ МОХОВОЙ УЛИЦЫ

Любая площадь, улица, мост в нашем городе сопряжены с великим прошлым. И от этого сосредоточения духовного богатства в одном географическом пространстве любое событие, происходящее на этом месте, пусть незначительное, приобретает особое звучание. Я вижу и слышу, как группа уличных музыкантов на углу улиц Белинского и Моховой играет джаз.

Я слышу мягкую, задумчиво печальную мелодию. Лучики вечернего солнца скользят по плитам тротуара, стеклам окон, брызгам фонтана.

Я иду вдоль улицы. Движение по Моховой, как свидание с литературным и музыкальным прошлым. Движение сопровождается музыка. Она вокруг. Среди зданий, дворов, прохожих.

Скрипка подпекает из подъездов, дворов-колодцев, распахнутых окон. Она ведет главную тему блюза, труба и кларнет — побочные. Несложный ритм. Забытые гармонии. Вязь инструментальных пассажей.

Чуть раскачиваясь в такт музыке, шелестят деревья. Через каменный коридор стен смотрит синими глазами небо.

Звуки скользят, колеблются, им как бы тесно в квадратном мешке двора-колодца.

Хочется на миг остановиться и помолчать. Послушать. Внимательнее взглянуть на дома, на прохожих.

В застрявшей памяти — бури, волнения, борьба.

Жизнь обычной питерской улицы 20—30-х годов. Оглянемся на нее.

... Вот идет подтянутый, изящно одетый мужчина в элегантной морской форме. Умное лицо. Проницательный взгляд. Это Сергей Адамович Колбасев, морской офицер, писатель, дипломат, лингвист, радиотехник, коллекционер и проповедник джаза.

Вот идет другой высокий симпатичный мужчина. Широкий лоб. Крупный нос. Волевой подбородок. Лучистые глаза. Загадочная улыбка. Это Генрих Генрихович Терпиловский, музыкант, композитор, литератор, живописец.

Колбасев познакомился с Терпиловским в 1929 году в помещении Центрального дома искусств на репетиции первого джазового произведения Терпиловского «Джаз-лихорадка» в исполнении «Джаз-капеллы» под руководством Георгия Ландсберга.

Здесь, на Моховой, 18, в квартире № 6 Колбасев жил с 1928-го по 1937-й.

«...Его труд был рационализирован и тщательно распланирован. Писал он ночами, — вспоминал Терпиловский, — во второй половине дня занимался текущими делами (в их числе и радиоконструкторскими), походами в издательства и редакции журналов, а вечера посвящал возне с коллекцией пластинок и их прослушиванию. Близкие друзья знали, что в одиночку он не любил слушать джаз, ему нужны были сопереживатели, и поэтому смело направляли свои стопы к нему „на огонек“, иногда даже без телефонного предупреждения».

В его квартире часто собирались литераторы, музыканты, артисты. Среди них были писатели Н. - Тихонов, Б. Лавренев, А. Толстой, поэт Б. Корнилов, гости из Москвы — старший редактор детского издательства Г. Л. Эйхлер, писатель К. Г. Паустовский.

Многие, в том числе Паустовский, чувствовали в лаконичной, мужественной и честной прозе Колбасева «кипение молодой крови», видели энергичных и симпатичных героев флота, никогда не опускавших флага перед вдвое-втрое превосходящим по числу и силе вооружения врагом, ощущали шум волнующегося моря и свежего ветра, запах теплых морских ночей, доносящих аромат прибрежных садов.

Колбасев умел так повернуть повествование, так преподнести его смысл, что читатель чувствовал себя героем его рассказа. Он писал сдержанно, с тонким флотским юмором.

Ненавязчиво и просто он раскрывал романтику морского дела, как бы говоря: там, за Невой, моря и океаны, иди вперед, смелей, и ты найдешь настоящую мужскую работу и желанное человеческое счастье.

Он учился трудному морскому делу в Морском кадетском корпусе, в составе Красного флота воевал в Мурманске, на Волге, Азовском море, в Севастополе и Петрограде.

По ходатайству наркома просвещения А. В. Луначарского он демобилизовался и перешел на литературную работу. Вместе с Н. Тихоновым он создал литературную группу «Островитяне», в которую входили К. Вагинов, Е. Полонская, Вс. Рождественский и другие. В 1922 году Колбасев издает поэму «Открытое море», его принимают во Всероссийский союз писателей.

Затем, с 1923-го по 1928 год, он находился на дипломатической службе в Афганистане, Финляндии.

В 20—30-е годы печатаются его рассказы, очерки, статьи в журналах «Вокруг света», «Красная Новь», «Звезда», в «Красной газете», «Литературном Ленинграде», выходят в свет сборники рассказов.

Колбасев был остроумным рассказчиком, увлекался театром, конструировал радиоприемники. И это притягивало к нему взрослых и детей. Для детей старшего возраста им были написаны научно-популярные книги «Радио — нам» и «Радиокнижка», «Фильморон. Любительская запись на киноплёнке», по которым юные радиолюбители осваивали азы радиотехники.

В одном из своих писем из Ленинграда Паустовский отмечал в 1933 году: «Часто вижу Колбасьева — он чудесный человек...».

Любовь к музыке, литературе, театру объединяла всех, кто приходил в гости к Колбасьеву. Слушали редкие в то время грампластинки с записью джазовых песен. Коллекция хозяина квартиры, по воспоминаниям Терпиловского, содержала произведения Гершвина, Армстронга, Эллингтона, Картера, записи оркестров Глена Грея, братьев Дорси, Теда Льюиса, Реда Николса, Хэла Кемпа, вокального квартета братьев Миллс, Бинга Кросби.

Колбасьев встречался и беседовал с известным американским певцом Полем Робсоном, негритянской певицей Целестиной Коод, руководителем джаз-оркестра шведом Макки Бертом, со многими зарубежными музыкантами, работниками граммофонных фирм.

Участники своеобразного джаз-клуба на квартире Колбасьева слушали, спорили, обменивались творческими идеями.

Колбасьев помогал Терпиловскому в руководстве концертным молодежным джазом, в становлении нового музыкального коллектива, в выборе репертуара. Он подсказал ему идею написания для радио песен на стихи Ленгстона Хьюза для баса с оркестром.

И неудивительно, что Терпиловский, создав свою новую джазовую пьесу «Блюз Моховой улицы», посвятил ее Колбасьеву. Пьеса была исполнена оркестром КР АМа (кинотеатра рабочей молодежи), что на Садовой улице близ Невского проспекта. Пьеса была услышана Колбасьевым.

В своей статье «Jazz», опубликованной в 1935 году, Колбасьев, давая определение блюзу, отметил, что блюз родился из негритянской светской песни, «светские песни, почти всегда печальные, потому что печальной была жизнь. От слова „синий“, синонима печали, эти песни получили название блюзов».

...Вечернее солнце освещало четную сторону домов на Моховой, отражаясь в окнах верхних этажей двора-колодца, который был виден из комнаты Колбасьева.

А в его уютной квартире за столом, на тесном диване, у круглой печи, обтянутой в ребристый металлический каркас, собирались члены семьи Колбасьева, друзья, знакомые. Слушали большой грамофон, волшебную игру на рояле Ландсберга, регтайм «Искушение» в исполнении трио Чуковских, рваный ритм, оригинальная техника, изощренная мелодика, четкий и простой аккомпанемент. Обсуждали услышанное, шутили, играли в шахматы, карты.

Обычный вечер в тихом семейном, товарищеском кругу.

Иногда устраивали шуточный домашний спектакль. Гости были и актерами, и зрителями. Под мелодию «Блюза Моховой улицы» разыгрывалось фантастическое представление, в котором участвовали влюбленный Константин, Галина-снайпер, плешивый Джо (убийца), Нинетта (дочь пастора), Александр-потрошитель (гроза южных морей), Писатель, Боб-темносельский (эмигрант, торговец живым товаром). Было много импровизаций, реминисценций, клоунады. Об Эйхлере, например, шутливо говорили: «Самый лучший редактор, самый обольстительный, хотя и солидный».

Любили прогулки, игры на свежем воздухе, бродили по Летнему саду, ходили в зоопарк, на Елагин остров, на зимние базары, которые устраивались на Дворцовой площади, запускали авиамодели на Марсовом поле у Поклонной горы.

Многое из того, что было услышано и увидено Паустовским здесь, на Моховой, 18, нашло своеобразное отражение в его творчестве.

Музыканты утесовского джаза — ленинградцы — возле афиш Целестины Коод на Моховой. За дни своего отпуска эти веселые мальчишки с большим успехом выступали на эстрадных площадках города на Неве, имея солисткой звезду — негритянку из-за океана. А. Утесов («партийная» кличка Иванов), узнав о таком их времяпрепровождении, выразил им свое недовольство и отстранил от дальнейших съемок в культовом фильме Г. Александрова «Веселые ребята». Потом он их простил, и слава богу, что в наиболее эффектных сценах музыкантской драки мы этих питерских «хулиганов» можем лицезреть до сих пор!

В повести «Колхида» Паустовский использует сказанное ему Эйхлером и Колбасьевым. В образе инженера Невской переданы героические черты Л. Рейснер.

«Всякое творчество, — отмечает в этой повести Невская, — в том числе и научное, начинается там, где кончается глупое и голое копирование окружающего мира. Природа производит, но не творит. Творит только человек».

Один из героев повести Паустовского «Теория капитана Гернета» играет на рояле мелодию песни Варяжского гостя из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко».

«Протяжно запел английский рожок, — пишет Паустовский. — Оркестр отрывисто вздохнул всеми струнами... музыка раздвигала стены старинного театра, наполняя собою весь вечер, весь Ленинград... Казалось, что звуки ударяются о тяжелую невискую воду и поднимаются вновь, еще более мощные и потрясающие сознание».

С некоторыми из тех, кто приходил в квартиру Колбасьева, как и с ее хозяином, судьба обошлась сурово.

Г. Эйхлер, Г. Терпиловский, Б. Корнилов были необоснованно репрессированы. По ложному обвинению был репрессирован С. Колбасьев. Позднее все они были реабилитированы. Их книги и музыка продолжают жить, волновать читателей и слушателей.

«Я грущу о скромности, о мудрости, о хорошем вкусе (вспоминаю джаз, гопаки и лезгинку), — писал Паустовский в одном из писем Г. Л. Эйхлеру в 1937 году, — и хотя бы об элементарной культуре во всем, в том числе и в человеческих отношениях. Этого нет вокруг, и это меня очень пугает. За это надо неистово бороться и еще за честность и прямоту, особенно среди нас, писателей».

Здесь, на Моховой, в Театре юного зрителя неоднократно бывал Паустовский, здесь были поставлены его пьесы: «Созвездие Гончих Псов» (1939), «Стальной перстенок» (1957).

Здесь, на Моховой, в бывшем Доме журналиста Паустовский выступал в 1960 году. Один из ленинградских журналистов в своих записях, сделанных тогда после встречи с Паустовским, отмечал: «Затаив дыхание, не шевелясь, зал слушал хриловатый, резонируемый микрофоном голос вечно юного мечтателя, великолепного фантазера и неугомонного природолюбца. Чувствуется, что, воспроизводя картины «давно минувших дней», он не только отбрасывает все случайное, ненужное, что могло бы «засорить», задержать повествование, но и дорисовывает то, что в жизни едва проглядывало (и, может быть, совсем не было)».

Паустовский был завален записками. Отвечал охотно, было видно, что поговорить он любит с молодежью».

Идешь по Моховой. Вглядываешься. Вслушиваешься. И убеждаешься, что слово и музыка близки, что джаз можно не только играть, слушать, но и танцевать, смотреть в виде спектакля, представления, драматического, лирического, гротескного.

Здесь, на Моховой, в студенческом театре Института театра, музыки и кинематографии, продолжали и продолжают жить и развиваться идеи сплава различных музыкальных культур, о которых говорил Колбасьев. Это идеи сплава музыки и зрелища на эстраде, идеи «джазового реву», «джазовой оперетты». Эти идеи были воплощены здесь, на Моховой, на площадке студенческого театра в спектаклях «Зримая песня», «Ах, эти звезды».

Джаз, родившийся из песни, сохранил и сохраняет свою демократичность, массовую доступность, свободу думать, верить, говорить, творить, выражать свои чувства в слове и музыке.

...Задумчивая мелодия плывет среди домов, среди людей, легка, как утренний солнечный луч, теплый свет, новый день.

Я иду по Моховой, слышу из окон рефрен новой песни:

А это знаменитая Целестина Коол. О, как ее обожали в Ленинграде! И она — на Моховой

Мы могли бы служить в разведке,
Мы могли бы сниматься в кино,
Мы, как птицы, садимся на разные ветки
И засыпаем в метро...

Мы ощущаем своеобразный саунд, неповторимое индивидуальное звучание. Слышна музыка, созвучная облику этой улицы, характеру людей, здесь живущих.

«...Когда уходит любовь — остается блюз...» — вновь слышу на перекрестке слова песни современной популярной музыкальной группы.

Это улица блюзов, посвященных С. Колбасьеву, К. Паустовскому, всем тем, кто любил и любит мыслить музыкой слова, у которых личное неотрывно от творческого. Они творили, как жили, свободно, романтически, глубоко.

ВЛАДИМИР ЛАПЕНКОВ

ДАВИД ДАР

Родился в октябре 1910 года в Санкт-Петербурге, умер в сентябре 1980 года в Иерусалиме. Настоящее имя — Давид Яковлевич Рывкин. Образование — семь классов. После школы работал на Балтийском судостроительном заводе по специальности «нагревательщик заклепок».

С 1929 года — журналист (газеты Ленинграда, Москвы, Карелии и Урала). По заданию редакций объездил Сибирь, Дальний Восток, Заполярье. В 1933-м находился среди 120 советских писателей во время знаменитой поездки на пароходе по Беломорканалу (36 из них выпустили в следующем году соответствующую книгу под редакцией М. Горького; см. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»).

В Отечественную — комвзвода отдельного разведбатальона на Ленинградском фронте. Получил тяжелое ранение в изнурительных боях за «Невский пятачок». Представлен к наградам (вернул их вместе с членским билетом Союза писателей перед эмиграцией в Израиль в 1977-м). Тогда же — первые книги, антифашистский памфлет «Господин Гориллиус» и «Рассказы о боевых друзьях» (ОГИЗ, 1944).

После войны — брак с Верой Пановой. В 1948-м организовал литературное объединение «Голос юности» (ДК «Трудовые резервы» на ул. С. Перовской), которым руководил до 60-х годов, передав затем бразды правления А. Емельянову. Через ЛИТО прошли (хотя бы в качестве гостей и любопытствующих) практически все, известные и неизвестные, начинающие ленинградские авторы, в том числе Глеб Горбовский, Виктор Соснора, Александр Кушнер, Владимир Марамзин, Игорь Ефимов, Борис Вахтин, Дмитрий Бобышев, Олег Охупкин, Константин Кузьминский и многие другие¹.

Публикации — «Повесть о Циолковском» (1948), «Камень на камень» (1959), «Богиня Дуня» (М.; Л., 1964; вскоре по ней была сделана театральная постановка на Ленинградском ТВ), «Баллада о человеке и его крыльях» (издательство «Дет. литература», Л., 1966; о Циолковском), «Книга чудес» (Л., 1968; переработка «Богини Дуни»); в соавторстве с А. Ельяновым (псевд. Алексея Емельянова) — «10 000 км на велосипедах» (1960), «Там, за поворотом» (1962), «За Кук-Карауком» (Детгиз, Л., 1963), «Прекрасные заботы юности» (Л., 1972); совместно с Вяч. Паперно — переработка для детей романа Г. Мелвилла «Моби Дик» (Л., 1968).

Неосуществленный (точнее, прерванный) замысел начала 70-х — написать и опубликовать художественную повесть о квартете «Битлз» (на материалах, предоставленных известным коллекционером Колей Васьным).

Еще до отъезда и позднее в эмиграции печатался на русском языке в изданиях Израиля, Европы и

¹ Данный круг естественным образом перерастал просто в *круг знакомых Дара*, где в разные годы можно было увидеть порой самых неожиданных людей, от полубезумных поэтов (вроде Рида Грачева и Васи Филиппова) до Федора Абрамова и западных славистов, от дирижеров и режиссеров до битломанов, от филологов (Л. Гинзбург, К. Косинский) до сексологов (Лев Щеглов).